

*Воспоминания или мемуары — жанр сложный и опасный для любого автора — слишком много местоимений и слова «помию». Тем более для автора, привыкшего к стилю научному. Сложно избежать и синдрома *deja vu* или *jamais vu* — уже виденного или никогда не виденного. Или *presque vu* — почти увиденного. Ведь очень трудно писать о целом веке жизни семьи и любимых людей и не ошибиться в описании каких-то событий или в оценочных суждениях.*

Надеюсь, уважаемый читатель простит меня за некоторые упущения.

Подарок судьбы

Поздняя осень 1956 года. Мне 17 лет, позади короткая довоенная жизнь, которую я помню только по рассказам мамы, начало войны — по своим слезам, когда (по счастью, невзорвавшаяся) бомба во дворе Московского института инженеров транспорта (МИИТ) рядом с нашей квартирой в метростроевском бараке отгрохнула тазик с платьем любимой куклы и меня.

Помню эвакуацию к тетке отца в Коканд, где страшного голода не было, хотя буханка хлеба и стоила месячной зарплаты мамы, но были фрукты, рис и коза, дававшая 1 литр молока, из которого мне, ребенку, доставалась половина, а вторая половина предназначалась взрослым — маме, ее сестрам Розе и Фене, няне Шуре и кошке. Еще был шоколад, который дарили моим теткам молодые ребята из летного и танкового училищ.

Помню приезд в конце 1944 года в Москву и возвращение с войны отца, очень больного и практически уже не работающего, помню праздничный победный салют на Красной площади.

Помню жареную картошку на рыбьем жире и сам рыбий жир — столовая ложка ежедневно. Помню приезды после войны маминых братьев Лени и Исаю, которые меня развлекали сказками и игрой на гитаре.

Летом традиционная поездка в метростроевский пионерский лагерь в Балабанове («Метростроевский Артек»), еще до вступления в ряды пионерской организации и вплоть до окончания школы. Лагерь был любим: много друзей — дети метростроевцев ездят

ли туда по две-три смены в год, волейбол, танцевальный кружок, купанье, походы на один-два дня с палатками, костры, собственные концерты самодеятельности и прочие прелести. А еще нас вполне прилично, по тем для меня временам, кормили — рядом располагался метростроевский совхоз с фермой и овощными грядками. По крайней мере лучше, чем в настоящем Артеке в Гурзуфе, куда я попала однажды в 1952 году — маму премировали путевкой для меня. Наш метростроевский лагерь был и демократичнее, и интереснее.

В основном меня воспитывал папа (мама много работала), и в большой строгости, учиться я должна была только на пятерки по всем предметам, экзамен сдавать первой (в те времена экзамены сдавали и в начальной школе) и, конечно, только на пятерки. Этот «синдром отличницы» сохранился надолго и касался не только учебы, в том числе и в музыкальной школе, но и обычной жизни. Кататься на коньках и на лыжах, плавать, ориентироваться в городе и в лесу, ухаживать за животными, готовить вкусности (например, плов) — всему этому научил отец, что я оценила, увы, только повзрослев, а в детстве у меня не было свободного времени для гуляний во дворе и обычной для многих детей жизни.

Самостоятельной я стала очень рано, в 10 лет, когда родители расстались, мы с мамой переехали в другую квартиру, тоже метростроевский барак на Красносельской улице, без соседей, но с туалетом во дворе и водой из колонки. Я стала хозяйкой, за две недели мама научила меня готовить на керосинке или на электрической плитке, покупать продукты в магазине и на Леснорядском рынке, правда, стирку и серьезную уборку мне не поручали. Рано повзрослев, научилась быть советчицей не только для одноклассников, но и для мамы, маминых сестер и вообще взрослых.

Мама трудилась на двух работах, днем у себя в строительной конторе Метростроя главным инженером, а вечерами преподавала сопромат в техникуме. Чувства одиночества я не испытывала, новая прекрасная школа с отменными учителями: литературу вела наш классный руководитель Вера Федоровна, которая читала нам стихи Цветаевой и Пастернака, а сочинений мы писали всегда два — одно для РОНО (районный отдел образования), а второе для себя и литературного кружка; черчение и рисование преподавал однокурсник В. Маяковского по ВХУТЕМАСу, географию — педагог-орденоносец (ракетные войска, защищавшие Москву), с ней

мы ходили в походы на туристические слеты и занимали там первые места.

Англичанка Валентина Владимировна Варламова вела театральный кружок на английском языке, а параллельно работал обычный театральный кружок, где целый год или полтора с нами занимались Олег Ефремов и Олег Табаков в качестве комсомольской нагрузки. Физкультура занимала особое место — ее преподавала Лидия Ивановна Огуренкова (жена спортивного комментатора, брат которого — известный боксер Виктор Огуренков, под его руководством сборная СССР по боксу побеждала всех в 60-е годы), и мы играли в волейбол, баскетбол, занимались спортивной гимнастикой, бегом с барьерами и всем, что возможно в спортивном зале и на улице в парке. Сейчас там 3-е лужковское кольцо и супермаркеты «Ашан» и другие. Учительница истории в постоянных экскурсиях показывала нам Москву, мы даже побывали в Оружейной палате при жизни Сталина, для чего получили школьные билеты с фотографиями, подобными билетами никто не обладал. Вот такой осталась в памяти моя школа.

Когда я попросила у мамы 20 рублей на выпускной вечер, мама, удивившись, спросила: «А разве ты не 9-й класс заканчиваешь?» Золотую медаль я не сохранила, остались коробочка и аттестат зрелости с одними пятерками. А из медали мы с мужем через четыре года сделали обручальные кольца. Кстати, мама не знала, в какой именно медицинский институт я поступаю. Сначала я хотела поступать в 1-й медицинский, но там была очередь на медкомиссию до 10 июля, а во 2-й мединститут ее не было вовсе. И оба рядом — на Пироговке. Я прошла медкомиссию во 2-м меде и пошла на собеседование (у золотых медалистов экзаменов не было). На собеседовании мне задали два вопроса: фамилия, имя и отчество папы, национальность и кем работает, фамилия, имя и отчество мамы, национальность по паспорту и кем работает. Я спокойно ответила: в школе национальный вопрос как-то не возникал, и стала ждать оглашения списка принятых в институт. Но меня в нем не оказалось. Я удивилась, но стоявший рядом отец потенциального студента вполне еврейской внешности сказал: «Зря мой сын и, судя по всему, вы сдавали сюда документы, во втором меде слишком много антисемитов». Я не плакала, у меня была очередь на медосмотр в 1-й мед и еще одно собеседование. И тут я вспомнила, как 10 лет назад по дороге в музыкальную школу

вслед мне кричала одноклассница Рона Васюренко (помню имя!): «Юлька — жидовка!» Вечером я спросила папу, кто это — жида? Он ответил: тебя это не касается, в свидетельстве о рождении стоит национальность — русская, это я тебе ее подарил. Самоидентификация началась позже.

А вот собеседование в 1-м мединституте было совсем не похожим на предыдущее. Вопросы по химии, физике, небольшое интервью на английском и даже вопрос «кто такой Козьма Прутков?». Результат — принята!

Конечно, я сейчас, по прошествии более 60 лет, понимаю, что мне здорово повезло, не возникло никаких комплексов неполной семьи, спасибо школе и пионерскому лагерю. У многих отцы не вернулись с войны, и жить только с мамой было вполне нормальным явлением. Практически моя жизнь до 17 лет прошла не в семье, а за ее пределами.

И вот теперь я студентка Первого Московского медицинского института. У нас очень скоро сложилась классная компания из студентов нашей и параллельной групп: Толя Ревазов, Юлиан Гофман, Валера Харлампович, Ирочка Токарева, Леня Прихожан, Галя Левина и др. Учиться трудно, одна анатомия чего стоит, но и весело. Времени хватало на все. И на работу в студенческих научных кружках, и на посиделки (их теперь называют тусовками), и на капустники (начало КВН), и даже на спорт.

Однажды я выходила после волейбольной тренировки из спорт-храма (спортзал нашего института) на углу улицы Еланского и Погодинки, сейчас его можно увидеть как действующий прекрасно отреставрированный храм Архангела Михаила, и меня встречал Толя Ревазов. И, как на грех, у меня рассыпались бусы. Мы с Толей собирались ехать в Боткинскую больницу на практику помощниками медсестер. Поскольку мы поздно записались, а хирургические и терапевтические отделения уже были заняты, то нам вместе с Леней Прихожаном досталось мужское урологическое отделение.

Анатоль, увидев меня расстроенной, сказал: «Пошли к предкам, это рядом, в Долгом переулке (ныне улица Бурденко). Соберешь бусы, и выпьем чаю». Мне было чуть-чуть неудобно, но лишь чуть-чуть. Мы вошли в дом, и первым, кого я увидела, оказался потрясающе красивый господин (слово «мужик» ему никак не шло), с улыбкой сказавший мне: «О! Привет! Как раз к чаю.

Меня зовут Арсен Сергеевич. Мою жену — Ида Иосифовна, этого балбеса — Саша, он братик Толи, а это Поля, наша няня». Так я впервые вошла в этот дом и в эту семью. Это был совсем другой мир для меня, и он стал началом другой жизни.

Центром дома и всего окружения, состоящего из многочисленных родственников и друзей, детей и их друзей, был Арсен. Я в его лице получила друга, отца будущего мужа и деда будущего сына, названного, конечно, Арсеном.

Младший Арсен родился ровно через 10 лет после моего знакомства с его дедом. Магия имен существует, это я знаю точно, правда, и законы наследственности никто не отменял. Внук унаследовал характер (кавказский, взрывной), быстроту реакции, прекрасную память, отличный музыкальный слух, любовь к блондинкам и умение не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

О них и немного обо всем, что всех нас окружало в эти годы в нашей стране, написана эта книга. То, что вы читаете, скорее воспоминания мои и тех людей, которые помнят события прошлого столетия со всеми их бедами и радостями. Конечно, далеко не всему я была свидетелем, многое знаю по рассказам родных и друзей, которых уже нет. После первой встречи прошло больше шестидесяти лет. Все эти годы семья Ревазовых, от деда Арсена до сына Арсена и его детей, была моей, и это подарок судьбы.

Старшие Ревазовы

Будучи генетиком, могу реально и доказательно представить, какие или чьи гены заложены в Арсене-старшем. Но... еще шла первая половина прошлого, XX века, время жесткое и жестокое. Сохранить себя, свое достоинство и самобытность было суждено не каждому. Может, единицам.

В начале XX века родители Арсена — Сергей Артемьевич Ревазов и Елена Яковлевна Суренянц — жили как в Петербурге, так и в собственном загородном доме в Финляндии, которая до революции, как и Польша, входила в состав Российской империи. Предки Сергея Артемьевича — тифлисские армяне Ревазяны, из рода которых вышло много ювелиров. Елена Яковлевна — представительница известной семьи ереванских художников, ее родного брата Вардкеса Суренянца считают классиком армянской художественной школы.

Когда Елене пришлось время рожать, она поехала в Хельсинки — от загородного дома туда легче добираться, чем до Петербурга. Именно там 22 июня 1910 года родился Арсен Ревазов. Старший брат Константин родился в 1904 году, а сестра Маргарита в 1908-м. Арсен — младший и последний ребенок. Когда уже в советское время Арсен получал паспорт, он резонно решил, что заграничное место рождения может смотреться подозрительно, и попросил служащего вместо Хельсинки, указанного в метрике, написать Ленинград. Тогда бюрократические процедуры выглядели проще, и так по паспорту он стал урожденным ленинградцем.

Вскоре после рождения Арсена его родители переехали в Москву. Сергей Артемьевич Ревазов стал заведовать складом Келера и сетью из 17 розничных магазинов. Контора, склад и шоколадная лавка Торгового дома располагались на Никольской улице, 12, в доходном доме графа Алексея Орлова-Давыдова. Именно сюда Сергей Ревазов ездил на службу. Торговое дело московского купца первой гильдии Романа Келера до революции процветало. Журнал «Нива» в 1900 году писал, что исторической заслугой первого в России химико-фармацевтического предприятия Келера является создание «новой отрасли обрабатывающей промышленности — производство химических и фармацевтических препаратов с целью вытеснения с русских рынков аналогичных продуктов иностранного производства. Заслуга эта имеет многостороннее государственное значение». По понятиям нашего времени, Келер был выдающимся импортозаместителем начала XX века (*эффект, правда, в наше время прямо противоположный*). И работу Келера оценили: аптекарю присвоили звание потомственного почетного гражданина Москвы и чин мануфактур-советника. Именно в товариществе «Р. Келер и К°» Сергей Артемьевич заработал свое состояние, а затем, вместе с компаньоном, приобрел нефтяную вышку, которая приносила его семейству солидный доход.

В 1914 году он также стал инспектором крупнейшего страхового общества «Россия» и представителем берлинской фабрики «О. Роде и К°». Багеты и рамки именно этой марки предпочитали покупать известнейшие коллекционеры картин того времени.

Революция разрушила прежнюю жизнь Сергея Ревазова и его семьи: в декабре 1918 года ликвидировали все частные страховые общества, их имущество, как и всю собственность товарищества Келера, национализировали. Заводу Келера в 1922 году присвоили имя первого наркома здравоохранения РСФСР Николая Семашко: предприятие Мосхимфармпрепараты им. Н. А. Семашко работает до сих пор. Потомственный почетный гражданин Москвы Роман Келер до революции, к своему счастью, не дожил.

В мае 1919 года здание страхового общества «Россия» отдали Московскому совету профсоюзов. Однако на деле его заняли сотрудники НКВД, которые выселили всех квартиросъемщиков. С этого момента дом стал символом террора и могущества спецслужб. Именно туда, куда в свое время приходил на службу Сер-

гей Ревазов, на допрос привезут его сына Арсена. Но это случится в далеком 1932-м.

Пока же, после революции, старший сын Константин изучает иностранные языки в Лазаревском институте, или, как его еще называли, «Армянском лицее». Там обучались дети не только состоятельных армян, но существовали квоты и для бедных семей, и для тех, кто готовился к духовному званию армяно-григорианского вероисповедания. Одной из главных целей обучения в лицее в то время была подготовка чиновников и переводчиков для Закавказского края. Студенты изучали армянский, грузинский и персидский, турецкий и арабский языки. Сам Сергей Артемьевич прекрасно владел немецким и, вероятно, видел своего старшего сына чиновником. Младший сын Арсен тем временем рос под присмотром матери и старшей сестры Маргариты. Глава семейства работал у Семашко в наркомате, который и стал его последним местом службы.

Жили Ревазовы в Тихвинском районе недалеко от нынешней станции метро «Новослободская». «Вот этот дом мы снимали», — показал однажды Арсен своему сыну Александру на двухэтажный дом. И рассказал историю: «Я всю жизнь был жутко вспыльчивым. И в этом самом доме я подрался с братом Костей. Нас пытались, но не смогли разнять родители, им на помощь прибежала прислуга, еле-еле растащили. Костя спустился по лестнице на первый этаж, а я, не раздумывая, со второго этажа прыгнул ему на спину и опять в него вцепился».

К завтраку или обеду Сергей Артемьевич всегда переодевался. Арсена и Костю тщательно учили держаться за столом: оба ели с двумя книжками, зажатыми под мышками, чтобы не ставили локти на стол и сидели прямо. Обед начинался традиционно: дети и жена сидели за столом, а Сергей Артемьевич подходил к шкафчику с напитками, который висел на стене, вынимал рюмочку, наливал аперитив, потом садился за стол и говорил: «Ну, что у нас?» Арсен всегда говорил, что они армяне. Хотя многие считают, что Ревазов — фамилия осетинская. Сергей Артемьевич был в числе тех, кто финансировал строительство церкви на Армянском кладбище. На этом кладбище в 1905 году похоронен отец Елены Яковлевны — Яков Захарович Суренянц, в то время бывший главой Армянской церкви в Москве. В 1918 году с его могилы вдруг исчез надгробный бюст с крестом. Спустя несколько месяцев родствен-

ники обнаружили этот бюст в одном из пролетарских клубов: крест оказался спиленным, но бороду, вполне себе окладистую, оставили и написали краской: «Карл Маркс». Сергей Артемьевич и Елена Яковлевна Ревазовы умерли в 1924 году на даче в Малаховке — у обоих не выдержало сердце. Похоронены на Армянском кладбище. Они не смогли пережить все то, что происходило в стране и что стало с их семьей. Отобрали работу, квартиру, переселили всю большую семью в низкий первый этаж, почти полуподвал... Поэтому они переехали в Малаховку, в дом мужа своей дочери Маргоши. Арсен вспоминал, что дом находился возле синагоги, и они вместе с зятем Яковом Эммануиловичем (Гигой), который в молодости был хорошим стрелком, добывали на обед кур стрельбой из спортивной винтовки. Чьих кур — не уточнял.

Что интересно, все трое детей Сергея Артемьевича Ревазова женились или вышли замуж за евреев, и все его внуки оказались полукровками — наполовину армяне, наполовину евреи.

После скоропостижной смерти родителей четырнадцатилетний Арсен остался сиротой без средств к существованию.

Аствац! Инчу амар? Господи! За что?

Пальто без рукавов

*Как это говорится, — червонцем меньше, червонцем больше...
Нищий беднее не станет... Покуда душа в теле, покуда хоть
одна жилка еще бьется, нельзя терять надежды.*

Шолом-Алейхем, Тевье-молочник

Годы с 1924-го по 1932-й были голодными, но веселыми, потому что жизнью правили молодость и оптимизм.

Жизнь после смерти родителей действительно стала очень трудной. Его подкармливали друзья родителей, дальние и ближние родственники. Даже хозяин керосиновой лавки, армянин, наливал ему больше керосина, жалея сироту. Когда Арсен сказал, что это вроде бы неудобно — красть у государства, — в ответ услышал сакраментальную фразу: «Арсен-джан, кто у кого больше украл?..» На мой взгляд, эта фраза не потеряла актуальности и по сию пору.

В 1924 году в Москву приехал дальний родственник Ревазовых Артюша Айвазян (Артемий Сергеевич), только что окончивший Тбилисскую консерваторию по классу виолончели. Они стали жить вместе в том же полуподвале на Тверской улице, дом 68, квартира 48, где ранее ютились родители Арсена. Артюша был старше на восемь лет, но дети тогда выросли очень быстро, и они замечательно сдружились.

В Москве Айвазян, что называется, «на дурака» поступил в консерваторию, не очень уверенно исполнив на виолончели необходимую программу на экзамене и не сказав никому, что у него уже есть диплом другой консерватории. При этом оказалось важ-

Оглавление

Глава 1	◆ Подарок судьбы	7
Глава 2	◆ Старшие Ревазовы	12
Глава 3	◆ Пальто без рукавов	19
Глава 4	◆ Дело №746	24
Глава 5	◆ Подлинные документы	31
Глава 6	◆ Подозрительные ссыльные	45
Глава 7	◆ Большой террор	57
Глава 8	◆ Театральное укрытие	59
Глава 9	◆ Война	67
Глава 10	◆ Послевоенный мир	81
Глава 11	◆ Анатомия, латынь и четыре химии	104
Глава 12	◆ Неподнятая целина	115
Глава 13	◆ Патолофизиология, фармакология и три хирургии ...	120
Глава 14	◆ Наш подводный Крым	129
Глава 15	◆ Москва научная	139
Глава 16	◆ Анатолий в экспедициях	155
Глава 17	◆ Остров свободы	165
Глава 18	◆ Семейные дела	185
Глава 19	◆ Открытая вода, встречный ветер	202
Глава 20	◆ Домá	214
Глава 21	◆ Прогоните корову!	227
Глава 22	◆ О наших животных	239
Глава 23	◆ Машина без дна, или Прелесть советских машин ..	249
Глава 24	◆ Друзья на всю оставшуюся жизнь	259
	◆ Приложение	277